

Литературное объединение эмоционалистов в контексте «литературной борьбы» 1920-х гг.

1.

Устоявшееся название литературной ситуации 1920-х гг. — «литературная борьба» [см.: Шешуков 1984; Белая 1989]. Можно обозначить стадии этой «борьбы»: Постановлением Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (18 июня 1925 г.) объявлялось, что «партия должна высказываться за свободное соревнование различных группировок и течений» [Власть и интеллигенция 1999: 57], однако с любым плюрализмом покончило Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (23 апреля 1932 г.) [см.: Власть и интеллигенция 1999: 172—173]. За короткий промежуток времени молодая советская литература якобы прошла путь от «свободной соревновательности» к «кружковой замкнутости»: победителей в литературной борьбе не оказалось.

Когда мы пытаемся выстроить типологию литературных объединений 1920-х гг., то так или иначе ориентируемся на сложившийся канон, в котором литературные объединения предстают своеобразным эквивалентом политических партий. Об этом пишут Д. М. Сегал и Н. М. Сегал (Рудник): «<...> поэтические группы <...> представляют весь спектр политико-культурных платформ, от крайне революционных (“имажинисты”) до архаически консервативных и реакционных (“классики”)» [Сегал, Сегал (Рудник) 2011: 515].

В одной из первых работ, посвященных осмыслению группового характера советской литературы 1920-х гг., — брошюре В. М. Саянова «Современные литературные группировки» — советская литература представлена шестью «идейными группировками»: эмигрантская литература, необуржуазная литература, попутчики, «Перевал», крестьянские писатели, пролетарская литература [см.: Саянов 1928].

Несомненно, что при такой внелитературной классификации большая часть объединений, не имеющая определенной «партийной» приуроченности, оказалась вне поля зрения официального дискурса. Модель накладывает определенные ограничения: группы, которые в нее не попадают, якобы оказываются на периферии литературной жизни — что, разумеется, не всегда отвечает действительности. Такие группы могут успешно существовать, деятельно участвовать в литературном процессе и даже влиять на него (иными словами, являться полноценными агентами литературного поля [см.: Бурдые 2005]), но быть полностью обойденными вниманием властных инстанций. В других случаях художественное объединение, имея большие амбиции и разворачивая широкую деятельность в разных сферах искусства, оказывается неспособным влиять на литературный процесс: в какой-то момент аккумулируются практики неприятия группы. Они выражаются в основном через нападки в критических статьях и рецензиях, а также в отторжении литературной и другой продукции объединения как профессиональным сообществом, так и читателями, что приводит к исчезновению группы (либо к смене рода деятельности).

Образованное осенью 1922 г. объединение эмоционалистов не попало — и не могло попасть — в общий перечень основных литературных групп начала 1920-х г. Слишком незаметное и неактуальное, чтобы привлекать внимание советской критики, и состоящее из слишком заметных участников (М. А. Кузмин, А. Д. Радлова, С. Э. Радлов и др.), чтобы быть полностью обойденным вниманием того профессионального сообщества литераторов и критиков, которое сложилось еще до революции, объединение заняло особое место в литературном процессе начала 1920-х гг. Необычность его была в том, что его не принимали в профессиональном сообществе, кажется, нигде — альманахи объединения получили негативную прессу, их публичные выступления освещались только в рецензиях близких к эмоционалистам критиков, а вклад эмоционалистов в театральную жизнь Петрограда и вовсе предпочли не заметить.

Нас интересуют как причины этой неудачи, так и отношение к подобным «неуспешным» группам профессионального общества. Для анализа рецепции деятельности эмоционалистов в литературном процессе 1920-х гг., мы привлекаем критические отзывы на альманахи группы авторов, не входящих в круг Кузмина (рецензий на поэтические вечера объединения, отвечающих этому требованию, нам обнаружить не удалось) и, следовательно, не расположенных благожелательно к организованной им группе. Мы также попытаемся понять, какие причины побудили Кузмина и близких к нему людей перевести личные отношения в статус литературных, заявив о себе как о художественном объединении, и почему эти стратегии репрезентации оказались неуспешными в условиях литературного процесса 1920-х гг.

2.

Вероятно, одной из главных причин оформления круга близких друзей Кузмина (в который входили Юр. Юркун, Радловы, А. И. Пиотровский, К. К. Вагинов, В. В. Дмитриев, Б. В. Папаригопуло и др.) как группы можно считать общее сгущение литературного поля и появление большого числа литературных объединений. На рубеж 1921—1922 гг. приходится пик деятельности московских экспрессионистов, попытка организации литературного журнала биокосмистов [см.: Крусанов 2003: 393], выход первого альманаха группы «Лирический круг» [см.: Медведев 1922] и т. д. В Петрограде осенью 1922 г. появляется Петроградский Воинствующий орден имажинистов [см.: Шошин 2002: 263], тогда же выходит альманах литературной студии «Звучащая раковина», альманах Третьего Цеха поэтов «Дракон», формируется и распадается группа «Кольцо поэтов им. К. М. Фофанова». Наконец, именно в 1922 г. публикуются декларация и альманах группы «Серапионовы братья», которая впоследствии станет одним из самых известных литературных объединений Петрограда-Ленинграда.

В таком контексте справедливо звучит предположение А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика: «Поддавшись, однако, в начале

1920-х гг. искушению атмосферой бурного самоопределения литературных группировок, Кузмин сформулировал тезисы “эмоционализма” [Лавров, Тименчик 1990: 12]. Вполне вероятно, что массовые групповые выступления литераторов подтолкнули кружок Кузмина к созданию новой литературной группы.

Это решение было нетипичным для Кузмина. Как известно, он не был участником ни одного литературного объединения: его контакты с символистами и акмеистами носили, скорее, дружеский характер, творческих установок этих направлений он не разделял:

Кружком любящих и ценящих друг друга людей (курсив автора. — А. П.), не претендующих на создание какой бы то ни было теории искусства, и тем самым выгодно отличающимся от символистских объединений, по-видимому, казался Кузмину «Цех поэтов», когда он туда пришел в конце 1911 г. Но стоило только Гумилеву и Городецкому заявить претензии на создание эстетической и мировоззренческой программы, как Кузмин сразу же почувствовал себя среди «цеховиков» неуютно [Лекманов 2000: 46].

Протест против «всевозможных поэтических школ» — одно из частых положений критических работ Кузмина. В статье 1925 г. «Стружки» он пишет о пути следования литературным школам как о тупике для всякого настоящего писателя:

Часто видные деятели школ, выдвинувшись школьными лозунгами, сохраняют свое положение, когда уже о школе и говорить-то позабыли, благодаря инерции или личным своим достоинствам. Большинству же школьных членов приходится уравнивать путь для последующего поколения, быть вроде пушечного мяса [Кузмин 2000: 385].

По той же причине Кузмин отвергал не только саму форму литературных «школ», но и идею «ученичества» у более опытных писателей — на этой почве, как известно, были основные расхождения Кузмина и Н. С. Гумилева:

Знакомство Кузмина и Гумилева, вскоре перешедшее в приятельские отношения, восходит к 1909 г. <...> Однако с течением времени их отношения заметно

охлаждаются, хотя никакого видимого повода для отчуждения и явного отхода от Гумилева у Кузмина как будто не было. Вероятно, сказалось разное отношение к искусству, поэзии, задачам поэта. Кузмину претили всякого рода учительство, попытки строить теории в области творчества. Гумилев же охотно брал на себя роль мэтра, который может преподавать «науку поэзии» [Шумихин 1992: 109].

В этом контексте парадоксально выглядит тот факт, что модель объединения эмоционалистов отчасти заимствована у кружков и студий Гумилева. Мотив «ученичества» появляется в письмах и работах эмоционалистов. Например, Радлова пишет о себе, что «всегда себя считала ученицей этого замечательного поэта (Кузмина. — А. П.)» [Куранда 2015: 257], Папаригопуло подписывал свои письма Кузмину как «почтительнейший и преданнейший ученик» [ЦГАЛИ СПб. Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 100: 1]. Этот же мотив присутствует и при характеристике Вагинова: «Но он не был учеником Кузмина, каким его иногда считают» [Вагинова 1992: 152].

К 1922 г. после смерти А. А. Блока и расстрела Гумилева Кузмин остается, фактически, одним из последних «мэтров» литературного Петрограда. Характерно, что именно Кузмина прочили на место председателя вновь собранного Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов [см.: Кукушкина 2007: 89], первым председателем которого был Блок, а вторым — Гумилев. Кузмина активно приглашали в издания Московского союза поэтов¹. О репутации поэта, сложившейся к началу 1920-х гг., пишет Н. А. Богомолов: «К тому времени Кузмин воспринимался читающей публикой как безусловный живой классик, долженствующий освящать своим присутствием всякое литературное предприятие в Петербурге» [Богомолов 1995: 63]. Поддержанию этой репутации Кузмина в начале 1920-х гг. должно было способствовать создание собственной группы и принятие на себя роли наставника молодых поэтов. Остается открытым вопрос, в какой степени

¹ См. письмо поэта Р. Ивнева, председателя редакционной коллегии Всероссийского Союза поэтов, Кузмину от 29 сентября 1923 г. [ЦГАЛИ СПб. Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 50: 1], в котором он просит помощи Кузмина в налаживании деятельности Союза в Петрограде.

такая репутация конструировалась самим автором и в какой — создавалась кругом его соратников, для которых статус «учеников Кузмина» был едва ли не единственным пропуском в литературу (произведения Юркуна к тому времени несколько лет не появлялись в печати, Радлова и Вагинов только начинали свой творческий путь, а для других участников группы просто-напросто не было иного способа представить свои очень слабые и неуверенные опыты).

Несомненно, что создание литературной группы отвечало требованиям времени — в начале 1920-х гг. групповая и кружковая деятельность была едва ли не единственной формой успешного существования литературы. Но, хотя время расцвета литературных студий Гумилева и время создания группы Кузмина отделены друг от друга всего лишь несколькими годами, на деле литературный процесс 1922 г. протекал в иных историко-культурных условиях. Несмотря на то что среди эмоционалистов были известный писатель в роли наставника и подающие надежды участники, под маркой объединения выходил альманах, были опубликованы два программных манифеста, проходили публичные выступления участников группы, — эмоционалистов не приняли. Начались парадоксальная «реакция отторжения» [Богомолов 1995: 63] и полное неприятие Кузмина и его группы в печати. Анализ основных направлений критики эмоционалистов, как нам представляется, позволяет выявить некоторые закономерности литературного процесса 1920-х гг. и «литературной борьбы» группировок: обратив внимание на то, какие явления подвергаются критике, можно сделать предварительные выводы о том, как в 1920-х гг. изменяется публичный образ литературной группы.

3.

Наибольшее число нападок вызвало заглавие альманаха. В то время как большинство альманахов и сборников 1920-х гг. называлось просто (ср.: «Шиповник», «Литературная мысль», «Петербургский сборник»), заглавие «Абраксас» привлекало к себе внимание. Многие рецензенты принимали его за бессмысленное слово, чепуху,

что рождало разного рода насмешки. Так, одна из рецензий называлась «Абракадабра и весна», и начиналась так: «Абракадабра слово арабское и значит оно: “чепуха”. Недавно в Петрограде вышел сборник Абракасас. Что значит Абракасас никто не знает, но чепуха определенная» [Силуэты 1923: 8]. Издание пролеткультов «Горн» так высказалось о заглавии: «<...> редакция другого петроградского журнала — «Абракасас» (почему не “брекекекекс”?)» [Горн 1923: 212].

После публикации в третьем номере альманаха «Абракасас» (февраль 1923 г.) «Декларации эмоционализма» критика получила еще один повод для нападок. Возникновение очередной группы с названием, образованным по шаблону (оканчивающееся на «-исты»), было моментально осмеяно. Так, например, еще в начале 1922 г. (то есть до образования эмоционалистов) в «Жизни искусства» появилась такая рецензия:

Русская публика наших дней назойливо осаждается толпами имажинистов, футуристов и им подобных «истов» <...> В России нет бумаги и типографской краски, но ежедневно появляются и толстые и тонкие сборники «творений» многочисленных стиходеев <...> [Вишняков 1922: 6].

Усталость литературы от многочисленных однообразных групп выразил П. Н. Медведев:

Символисты и нео-романтики, футуристы и центрофугисты, реалисты и нео-классики, имажинисты и экспрессионисты, акмеисты, презентисты, интимисты, и даже фуисты, и даже ничевоки — и еще, и еще, без конца. <...> Большинство этих «измов» и «измиков», «истов» и «истиков» не несут с собою какого-либо цельного и своеобразного мироощущения [Медведев 1922: 3].

За короткий срок название «эмоционализм» стало нарицательным для обозначения мелкой, незначительной литературной группы: «<...> всяческие *эмоционалисты* (курсив автора. — А. П.), теоретически стремящиеся к единице, но пока что замкнутые в узком и оттого порочном поневоле кругу» [Беленсон 1923: 13].

Можно только догадываться, какие причины двигали участниками объединения (и, прежде всего, Кузминым) при выборе

такого названия. Возможно, что название было полемичным по отношению к современным объединениям (прежде всего имажинистам). В первую часть выносилось слово «эмоция», не имеющее какого-то специфически литературного смысла, подчеркивающее отказ от объединения на почве следования какому-либо приему. Однако нельзя отказаться и от мысли, что Кузмин и его круг, задумывая эмоционализм как художественное *направление*, опирался на модель знаменитых направлений недавнего прошлого, в первую очередь, на символизм. Наконец, название «эмоционалисты» также содержит в себе семантику интимности, неформальности: «эмоция» как предельно искреннее и не подлежащее регламентации явление указывало на характер объединения, в котором решающая роль отводилась именно дружеским контактам.

Репутация Кузмина и других эмоционалистов, прежде всего Радловой, включала позиционирование себя через причастность к кругу избранных, тонких ценителей искусства, — иными словами, кругу людей, составляющих «салон». Об отношении Кузмина к «салону» свидетельствуют мемуары А. А. Ахматовой: «Коля (Гумилев. — А. П.) написал рецензию на “Осенние озера”, в которой назвал стихи Кузмина “будуарной поэзией”. И показал, прежде чем напечатать, Кузмину. Тот попросил слово “будуарная” заменить словом “салонная” и никогда во всю жизнь не прощал Коле этой рецензии...» [цит. по: Чуковская 1997: 173—174]. В «салон» Кузмина-Радловых с неохотой принимали новых членов — личные отношения, вероятно, для этой среды были важнее собственно литературных талантов. Отчасти это объясняет тот факт, что «новых» эмоционалистов не появилось, круг авторов альманаха не расширился за счет привлечения молодых поэтов и драматургов (или, возможно, просто не успел этого сделать).

В начале 1920-х гг. форму литературного салона воспринимали крайне негативно, что ощутимо сказалось на репутации Кузмина. Так, в рецензии на книгу эротических стихотворений Кузмина «Занавешенные картинки» ощутимо отношение к поэту как к несерьезному, «салонному» лирику: «Но где же мону-ментальные труды нашего российского водевильно-веселого

версификатора, от которых он мог бы отдохнуть, резвясь и шая пером? Таких монументальных трудов у Кузмина не имеется» [Жизнь искусства 1924: 14]. Эта репутация сказалась и на отношении к эмоционалистам и их произведениям, опубликованным в «Абраксасе»: «В литературе нашей начинает, наконец, угасать недобрая старая традиция эстетских салонов — “Абраксас” стремится эту традицию возродить» [Оксенов 1922]; «И заметьте — выше всего “марка” хорошее имя. Как это характерно для молодых салонов» [Не-Князев 1922].

Эмоционалисты, впрочем, не стремились избежать этой репутации, а, напротив, всячески подчеркивали легитимность и актуальность выбранной ими формы объединения. В первом же номере «Абраксаса» была опубликована статья соредактора альманаха Ореста Тизенгаузена с характерным названием «Салоны и молодые заседатели петербургского Парнаса», в которой автор определил текущую литературную ситуацию следующим образом: «Если в Москве вся литературная жизнь ютилась у подъездов и на эстрадах кафе, то в Петербурге, наиболее живая часть ее сосредоточивалась в салонах» [Терехина 2005: 323].

Неудивительно, что такую стратегию репрезентации не приняла критика:

Вращаться ему <Вагинову. — А. П.> приходится в одуряющей атмосфере петербургских литературных «салонов», где господствуют всякие завирательные идейки относительно творчества, где микроскопические являньица выдаются за исполинские события, где, по большей части, царят грубые вкусы и глубочайшее незнание жизни, как космической, так и общественной [Тиняков 1922].

На примере объединения эмоционалистов можно проследить, какие стратегии репрезентации группы были неуспешны в условиях литературного процесса 1920-х гг. Неудачное заглавие альманаха, смысл которого казался современникам слишком туманным, название группы, образованное по стандартной модели и потому не выделяемое из общего ряда, избранная модель «салона», культивируемая интимность дружеского круга Кузмина,

отказ группы расширяться и привлекать новых членов — неприятие этого свидетельствует о том, что на смену литературному кружку постепенно приходило объединение более открытого типа, и в начале 1920-х гг. «салон» Кузмина воспринимался как архаизм, отжившая, и потому непривлекательная модель.

Неудача эмоционализма ставит вопрос о динамике литературной репутации Кузмина. Смена отношения к групповой деятельности и поворот Кузмина к новым стратегиям репрезентации свидетельствуют о перестройке литературного поля, в котором авторы, чей дебют пришелся на первые годы XX в., вынуждены были избирать для себя новые способы существования в литературе. Неудачная попытка Кузмина занять место «мэтра» и «учителя» выявляет трансформацию литературного поля в начале 1920-х гг., когда авторы прошлой эпохи медленно изымались из литературного процесса, а практики взаимодействия авторов друг с другом и с читателем, созданные в начале века (и культивируемые эмоционалистами), перестали быть действенными. До перехода большинства литературных кружков и объединений под крыло различных писательских Союзов оставались считанные месяцы.

СОКРАЩЕНИЯ

Белая 1989 — *Белая Г. А.* Дон Кихоты 20-х гг: «Перевал» и судьба его идей. М., 1989.

Беленсон 1923 — *Беленсон А.* Газ и Гэз // Жизнь искусства. 1923. № 10 (88575). 13 мар.

Богомолов 1995 — *Богомолов Н. А.* Литературная репутация и эпоха // Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 57—66.

Богомолов, Малмстад 2013 — *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э.* Михаил Кузмин. М., 2013.

Бурдые 2005 — *Бурдые П.* Поле литературы / Бурдые П. Социальное пространство: Поля и практики. СПб., 2005. С. 365—473.

Вагинова 1992 — *Вагинова А. И.* Ненаписанные воспомина-
ния / Публ. подгот. С. Кибальник // Волга. Саратов, 1992. № 7/8.
С. 146—155.

Вишняков 1922 — *Вишняков Н.* Забытые поэты. П. Д. Бу-
турлин // Жизнь искусства. 1922. № 6 (829). 7 февр.

Власть и интеллигенция 1999 — Власть и художественная
интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ
— НКВД о культурной политике. 1917—1953. М., 1999.

Горн 1923 — *Диллетант.* По питерской печати (Эсте-
тические утешения в земных невзгодах) // Горн. Литературно-
художественный и общественно-научный журнал. 1923. № 8.
С. 212—213.

Жизнь искусства 1924 — С. Э. Амстердамская порногра-
фия // Жизнь искусства. 1924. № 5 (929). 29 янв.

Крусанов 2003 — *Крусанов А. В.* Русский авангард. 1907—
1932: (Исторический обзор): В 3 т. М., 2003. Т. 2. Футуристическая
революция (1917—1921). Кн. 1.

Кузмин 2000 — *Кузмин М. А.* Стружки // Кузмин М. А. Проза
и эссеистика: В 3 т. М., 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика. С. 380—385.

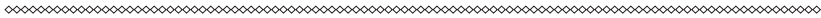
Кукушкина 2007 — *Кукушкина Т. А.* Всероссийский Союз
поэтов. Ленинградское отделение (1924—1929): Обзор деятель-
ности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на
2003—2004 годы. СПб., 2007. С. 83—139.

Куранда 2015 — *Куранда Е. Л.* М. А. Кузмин и его круг в ар-
хиве Радловых в ОР РНБ // Михаил Кузмин. Литературная судьба
и художественная среда. СПб., 2015. С. 226—270.

Лавров, Тименчик 1990 — *Лавров А. В., Тименчик Р. Д.* «Ми-
лые старые миры и грядущий век»: Штрихи к портрету М. Куз-
мина // Кузмин М. Избранные произведения. Л., 1990. С. 3—16.

Лекманов 2000 — *Лекманов О. А.* Книга об акмеизме // Лек-
манов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000.
С. 7—187.

Медведев 1922 — *Медведев П. Н.* Лирический круг // За-
писки передвижного театра П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской.
Петроград, 1922. № 34. 17 окт.

Напельбаум 2004 — *Напельбаум И. М. О семье Радловых* // *Напельбаум И. М. Угол отражения: Краткие встречи долгой жизни.* СПб., 2004. С. 90—94.

Не-Князев 1922 — *Не-Князев [Рец. на:] «Абракас»* // *Вечерняя красная газета.* 1922. № 29. 28 окт.

Оксенов 1922 — *Оксенов И.* Литературный дневник. «Абракас» // *Литературная неделя: Приложение к газете «Петроградская правда».* 1922. № 24.

Саянов 1928 — *Саянов В. М.* Современные литературные группировки. Л., 1928.

Сегал, Сегал (Рудник) 2011 — *Сегал Д. М., Сегал (Рудник) Н. М.* К типологии русских литературных альманахов и сборников первой четверти XX века // *От Кибирова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова.* М., 2011. С. 476—539.

Силуэты 1923 — [Б. п.] *Абракадабра и весна* // *Силуэты.* Одесса. 1923. № 3. Янв.

Терехина 2005 — *Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика. Хрестоматия* / Сост. В. Н. Терехина. М., 2002.

Тиняков 1922 — *Тиняков А. И.* Критические раздумья // *Последние новости.* 1922. № 14.

ЦГАЛИ — *Центральный государственный архив литературы и искусства (г. Санкт—Петербург).*

Чуковская 1997 — *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997. Т. 1: 1938—1941.

Шешуков 1984 — *Шешуков С. И.* Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы 20-х гг. 2-е изд. М., 1984.

Шошин 2002 — *Шошин В. А.* Петроградский Воинствующий орден имажинистов // *Из истории литературных объединений Петрограда—Ленинграда 1910—1930-х гг.: Исследования и материалы* / Отв. ред. В. П. Муромский. СПб., 2002. Кн. 1.

Шумихин 1999 — *Гумилев и Кузмин на «Вечере современной поэзии» в Москве 2 ноября 1920 г.: (По дневнику М. А. Кузмина) / Публ. С. В. Шумихина* // *Николай Гумилев и русский Парнас: Материалы научной конференции 17—19 сентября 1991 г.* СПб., 1992. С. 109.